

ХАРКІВСЬКИЙ  
ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНИЙ  
ЩОРІЧНИК

# СТАРОЖИТНОСТІ 2005

МАТЕРІАЛИ  
СТАТТІ  
ПУБЛІКАЦІЇ  
ЗАМІТКИ  
РЕЦЕНЗІЇ  
ХРОНІКА



Харківське історико-археологічне товариство  
НМЦ «СД»  
2005



В. С. Аксенов, М. В. Хоружая

## Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника



Как показали многолетние исследования катакомбных могильников второй половины VIII–первой половины X вв. бассейна Северского Донца, захоронения детей производились в соответствии с нормами погребального обряда, свойственного аланскому населению салтовской культуры. При этом умершие младенцы хоронились не только в катакомбах, как взрослые, но и в простых грунтовых ямах, в ямах с подбоем, в жилых и хозяйственных постройках, в заброшенных гончарных печах [1, с. 16]. По мнению О. Б. Бубенка, в этом следует видеть отражение половозрастной традиции, существовавшей внутри салтовского общества [2, с. 54–56]. Детские костяки в большинстве случаев лежали так же, как и костяки взрослых: в продольных камерах — ногами ко входу, в поперечных камерах — головой влево от входа. Особый интерес представляют довольно редкие случаи отклонений от устоявшейся традиции в размещении умерших детей в погребальной камере. Именно они требуют своего логического объяснения. Результаты поиска возможного объяснения одного из таких случаев и предлагает данная статья.

В 2003 г. экспедицией Харьковского исторического музея на Верхне-Салтовском IV могильнике было обнаружено интересное коллективное детское захоронение, произведенное в катакомбе № 72 [3, с. 12–15, табл. XXIV–XXXIV].

Катакомба была обнаружена на глубине 0,9 м (восточный край) — 0,45 м (западный край) от уровня современной поверхности по пятну дромоса. Дромос был ориентирован по склону оврага по линии восток–запад с незначительным отклонением к югу (Аз. 100°). На уровне обнаружения пятно дромоса имело в плане «булавовидную» форму из-за наличия в его восточном конце входа вторичного проникновения в погребальную камеру (рис. 1, 1). Дромос имел длину 6,3 м и являлся наибольшим из всех исследованных на данный момент на могильнике. Не потревоженный перекопами западный край дромоса имел форму вытянутого прямоугольника, размером 3,5×0,44–0,5 м. Заполнение этой части дромоса состояло из материковой глины с незначительными вкраплениями чернозема и меловых конкреций.

В восточном конце дромоса располагался ход повторного проникновения в погребальную камеру. Ход повторного проникновения на уровне обнаружения имел в плане каплевидную форму. Его размеры: длина — 2,8 м, а максимальная ширина составляла 1,03 м. Заполнение хода повторного проникновения было слоистым. Четко фиксировался наклон слоев грунта в сторону входа в погребальную камеру. Заполнение хода повторного проникновения отличалось по цвету, плотности и консистенции от первоначального заполнения дромоса и окружающего материка. В заполнении на разных глубинах встречались древесные угольки, мелкие фрагменты салтовских сосудов. Дно хода повторного проникновения фиксировалось по слою плотной натоптанной земли и по остаткам лежащего на нем деревянного заклада в виде остатков двух деревянных плах размером 30×12 см и толщиной до 1,5 см, отброшенных от входа в погребальную камеру.

Дно дромоса комбинированное. В начальной, западной его части было зафиксировано девять ступенек, от последней ступеньки дно дромоса наклонно (под углом в 8°) спускалось к входу в погребальную камеру. Глубина дромоса у входа в погребальную камеру составляла 3,7 м от современной поверхности почвы.

В восточной торцевой стенке дромоса находился вход в погребальную камеру. Вход в погребальную камеру имел арковидную форму. Его размеры: высота — 0,72 м, ширина — 0,48 м при ширине дромоса 0,68 м, длина входа — 0,44 м. Со стороны дромоса наблюдался порожек высотой 8 см. Заполнение входа было слоистым, своим цветом, составом и консистенцией оно соответствовало заполнению хода повторного проникновения в камеру.

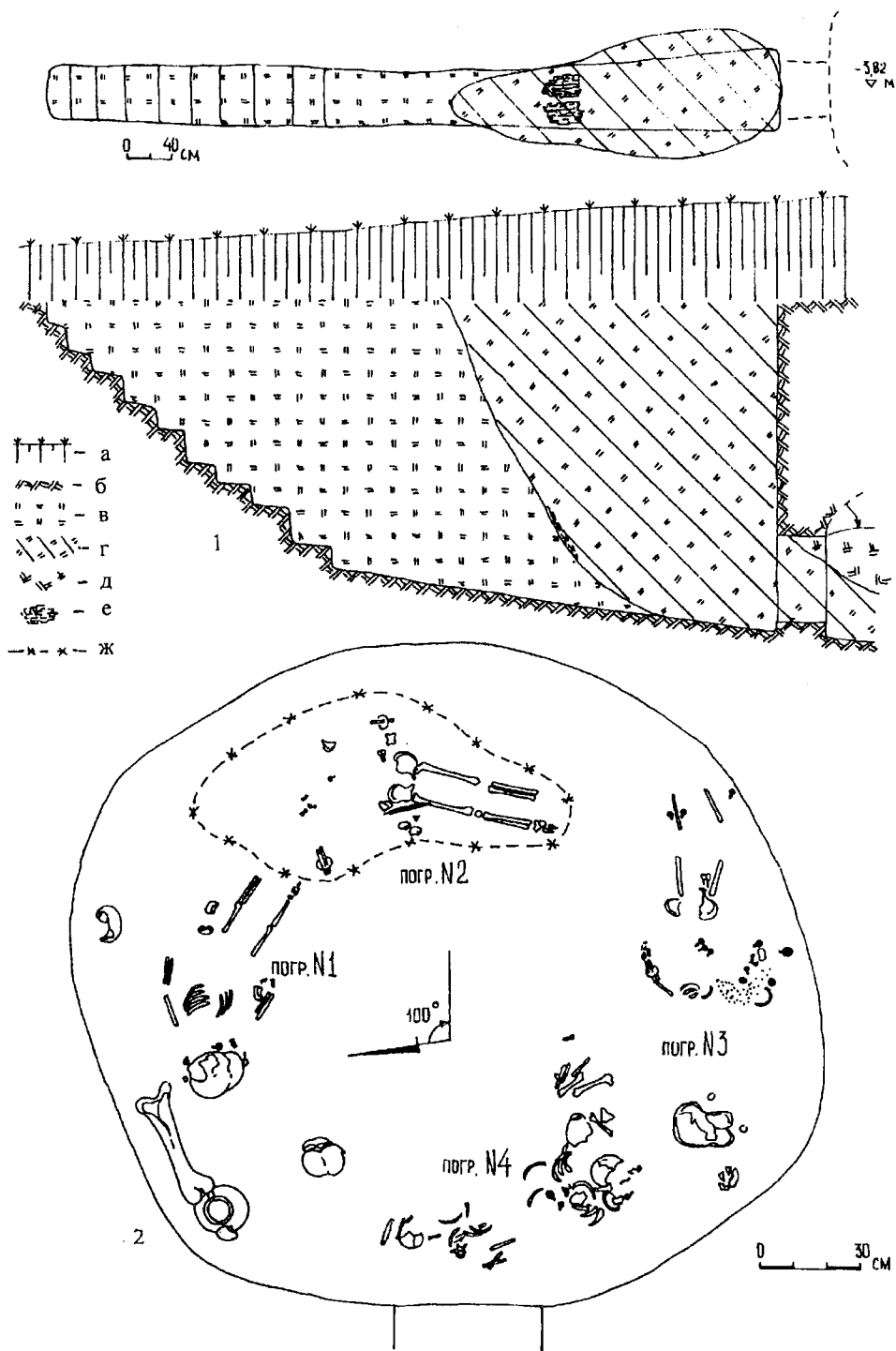


Рис. 1. Катакомба № 72 Верхне-Салтовского могильника:  
 1 — план дромоса катакомбы № 72; 2 — план погребальной камеры катакомбы № 72

Погребальная камера провалилась, поэтому вскрывалась она сверху. Камера имела в плане форму, близкую к кругу диаметром 2,0–2,2 м (рис. 1, 2). Пол камеры тарелкообразный. Он фиксировался на 0,2 м ниже дна входа-коридорчика (на глубине 3,82 м от современной поверхности почвы).

Камера содержала захоронение четырех детей в возрасте 4–6 лет. Детские костяки были уложены в виде квадрата (рис. 1, 2). Так, костяк № 1 располагался слева от входа и был ориентирован головой ко входу в камеру. Так же был ориентирован костяк № 3, лежавший справа от входа. Костяк № 2 занимал место между ног погребенных № 1 и № 3 и лежал головой влево от входа. Костяк погребения № 4 покоился параллельно костяку № 2, занимая место между головами покойника № 1 и № 3 у самого входа в камеру, но он был обращен головой вправо от входа. Костяк погребения № 4 подвергся полному разрушению.

**Погребение № 1.** Ребенок лежал вытянуто на спине. Руки прямые, слегка разведены в сторону. Ноги вытянуты. Сохранность костей плохая. За черепом погребенного, ближе к входу в камеру, стояла салтовская кружка с петлевидной ручкой (рис. 2, 35), поверх которой была уложена крупная трубчатая кость бычка — остатки мясной жертвенной пищи. При костяке обнаружен следующий инвентарь: под черепом — пара бронзовых сережек (рис. 2, 1) и два бронзовых литых бубенчика (рис. 2, 3); у кисти правой руки — три бронзовых спиралевидных пронизи и астрагал с отверстием для подвешивания (рис. 2, 2, 5); у безымянной левой тазовой кости — еще два астрагала (рис. 2, 4, 6). На одном из астрагалов острым предметом был прочерчен квадрат (рис. 2, 6).

**Погребение № 2.** Ребенок лежал в вытянутом положении на спине, руки прямые, слегка разведены в сторону. Ноги вытянуты. Сохранность костяка плохая. Череп был отброшен за костяк № 1, и лежал у северной боковой стенки камеры. Погребенный покоился на угольной подсыпке, толщина которой достигала 1 см. Угольная подсыпка в плане имела форму, близкую к овалу размером 1,15×0,5 м. При погребенном обнаружен следующий инвентарь: на костяк левой и правой рук — по бронзовому проволочному браслету с заходящими друг за друга концами, украшенными орнаментом в виде елочки (рис. 2, 13); возле браслета левой руки — астрагал (рис. 2, 16). Еще три астрагала, два из которых имели отверстия для подвешивания (рис. 2, 17–19), находились вместе с железным черешковым ножом (рис. 2, 12) у правой безымянной кости таза. В области грудной клетки были обнаружены: литая бронзовая пуговица и спиралевидные бронзовые пронизи (рис. 2, 10, 11). Два литых бронзовых бубенчика (рис. 2, 8, 9) лежали рядом с костями кистей рук. Рядом с браслетом левой руки была расчищена бронзовая поясная шитковая пряжка (рис. 2, 14), а рядом с браслетом правой руки удалось зафиксировать несколько бронзовых литых поясных бляшек плохой сохранности (рис. 2, 15). На месте первоначального нахождения черепа была обнаружена литая бронзовая сережка с неподвижной каплевидной подвеской на остатках кожаного ремешка (рис. 2, 7).

**Погребение № 3.** Ребенок покоился в вытянутом положении на спине. Руки прямые, слегка разведены в стороны, ноги вытянуты. Сохранность костей плохая. Череп, сдвинутый со своего места ближе к входу в камеру, находился в слое грунта на 0,15 м выше пола. Рядом с ним была расчищена яичная скорлупа. Под черепом были найдены две бронзовые литые сережки с неподвижной каплевидной подвеской (рис. 2, 20). Пара аналогичных сережек (рис. 2, 25), сцепленных между собой, была обнаружена с внутренней стороны бедренной кости правой ноги у правой безымянной кости таза. В районе шеи и груди были найдены бронзовые спиралевидные пронизи (рис. 2, 21), бронзовая литая пуговица (рис. 2, 22), две серебряные монеты, превращенные в подвески путем пробития в них отверстий, между которыми располагалась россыпь стеклянных (рис. 2, 27, 29, 31), каменных (рис. 2, 26, 28) и сердоликовых бус (рис. 2, 30). В правой части грудной клетки была расчищена монета Табористана с двумя пробитыми отверстиями (рис. 3, 2), в левой части — арабский дирхем с тремя пробитыми отверстиями (рис. 3, 1). На костяк обеих рук были расчищены по одному бронзовому проволочному браслету (рис. 2, 36). За правой рукой, ближе к боковой стенке камеры, лежал крупный литой бронзовый бубенчик (рис. 2, 23). Четыре бронзовых литых бубенчика (рис. 2, 24) обнаружены над костями таза. Еще четыре аналогичных бубенчика лежали на уровне середины берцовых костей обеих ног, вероятно, они украшали подол платья.

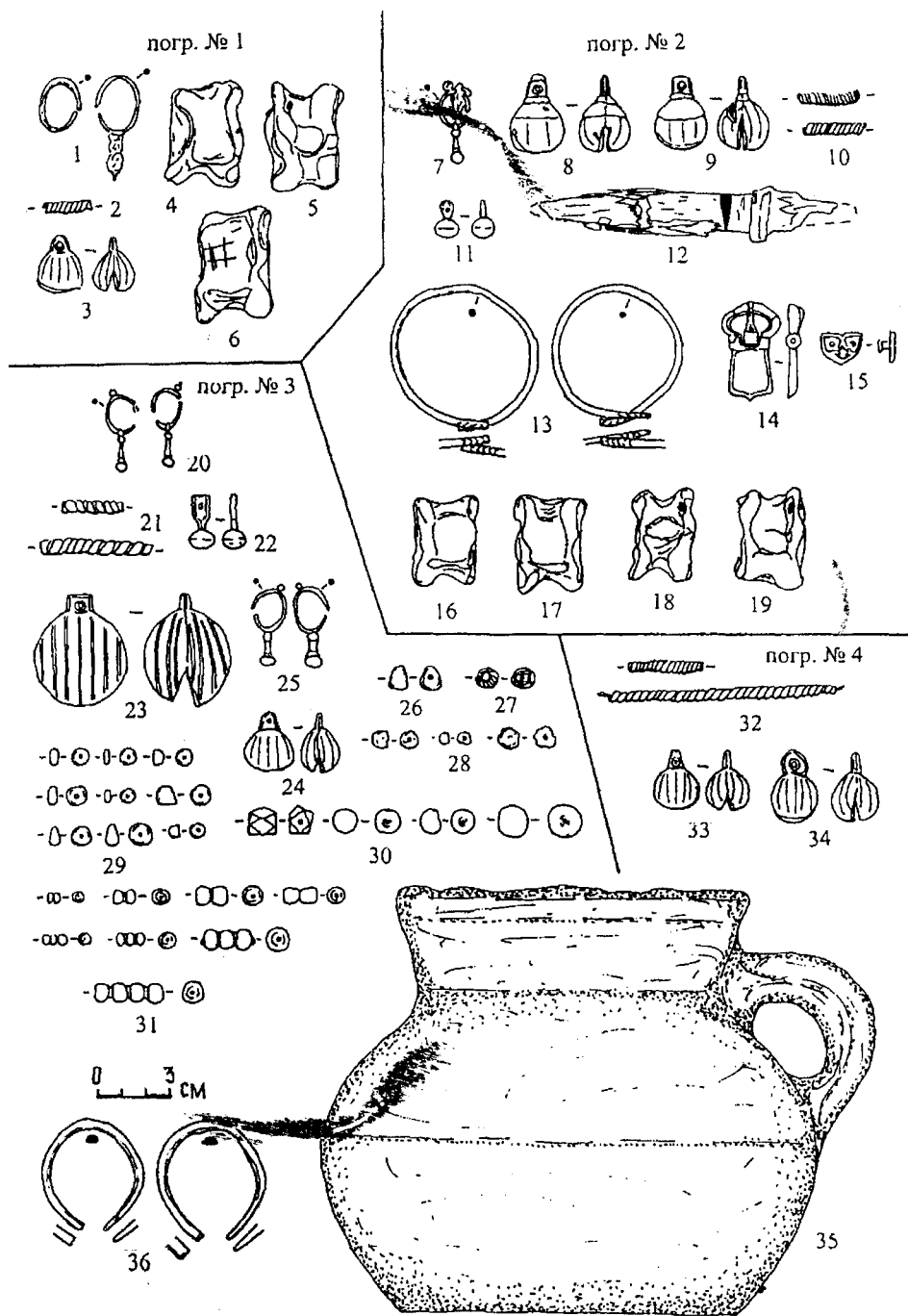


Рис. 2. Погребальный инвентарь из катакомбы № 72:

1-6 — инвентарь погр. № 1; 7-19 — инвентарь погр. № 2; 20-31, 36 — инвентарь погр. № 3; 32-34 — погребальный инвентарь погр. № 4.

1-3, 7-11, 13-15, 20-25, 32-34, 36 — бронза; 4-6, 16-19 — кость; 12 — железо; 29, 27, 31 — стекло; 26 — роговик; 28 — камень; 30 — сердолик; 35 — глина

Погребение № 4. Костяк ребенка, уложенного возле самого входа в камеру, подвергся полному разрушению в ходе повторного проникновения в погребальную камеру. Часть костей была сдвинута вправо от входа, где они и образовывали небольшую кучу. В ней находилась часть черепа погребенного. Вторая часть черепа лежала в левой половине камеры, в 0,2 м южнее остатков жертвенной пищи. Лишь незначительная часть костей осталась лежать на своем первоначальном месте. По ним было видно, что ребенок был уложен в вытянутом положении на спине головой вправо от входа. В куче костей справа от входа были обнаружены две бронзовые спиралевидные пронизи и три бронзовых литых бубенчика (рис. 2, 32–34).

Инвентарь, обнаруженный в катакомбе, позволяет датировать данное захоронение IX в. [4, с. 232; 5, с. 135–146; 6, рис. 63, с. 158–170].

Данное захоронение рядом специфических черт выделяется из общего комплекса салтовских катакомбных захоронений аланского населения Верхнего Подонья, что, по нашему мнению, указывает на его нерядовой характер. Свидетельство этому — наличие длинного и достаточно глубокого дромоса, размеры самой погребальной камеры. По этим показателям данная катакомба стоит в одном ряду с наиболее богатыми парными и коллективными захоронениями Дмитриевского и других аланских могильников Подонья [6, с. 177]. Как отмечалось большинством исследователей, для салтовских катакомбных захоронений детей в возрасте до 8–10 лет, независимо от количества погребенных в них детей, характерны небольшие и неглубокие катакомбные сооружения [1, с. 21, 35; 6, рис. 102; 7, с. 10]. Специфическое расположение остатков, погребенных в камере, также подтверждает неординарность захоронения в катакомбе № 72 (рис. 1, 2). В аланских могильниках Подонья подавляющее большинство детских костяков, так же как и скелетов взрослых, лежат головой влево от входа, другое положение является отклонением от обычая [1, с. 21]. Детские погребения на большинстве могильников помещены, зачастую, в камеры с неправильной формой пола [1, с. 20], тогда как камера катакомбы № 72 имеет форму почти правильного круга. Не характерно для рядовых захоронений младенцев наличие под костяком № 2 угольной подстилки и присутствие в камере катакомбы № 72 остатков мясной жертвенной пищи, яиц птицы [1, с. 35–36].

Как нам представляется, данное захоронение можно, вероятно, рассматривать как зашифрованную определенную мировоззренческую концепцию. На это указывает размещение умерших детей в виде квадрата внутри круглой в плане погребальной камеры. У большинства народов мира круг выступал символом неба, а квадрат — символом земли, освоенного пространства [8; 9, с. 631]. В салтовских древностях, как показали исследования В. Е. Флеровой, концентрический квадрат символизирует горизонтальную модель мира [10, с. 59; 11, с. 141]. Куполообразный свод погребальной камеры в этом случае только усиливает тождественность круглой в плане камеры и неба, выступая своеобразным небесным куполом. Размещение и освоенного человеком пространства, и подобия небесного свода под землей (погребальная камера как образ мироздания) вполне согласуется с представлениями, бытовавшими у многих народов мира, что потусторонний мир, мир мертвых, во всем подобен миру живых людей. Поэтому погребальную камеру катакомбы № 72, вероятно, можно рассматривать как своеобразное зеркальное отражение мира живых людей, находящегося под землей, в мире мертвых.

Еще при первых исследованиях салтовских катакомбных захоронений было высказано предположение, что погребальные камеры и их интерьер воссоздают жилища оставшегося населения. На это, по мнению исследователей, указывала сама форма погребальных камер, наличие сводчатых и куполообразных сводов, преднамеренная побелка их потолка и стен. Таким образом, погребальную камеру катакомбы № 72 можно рассматривать, как образ реального жилища, расположенного в мире мертвых. В таком случае порядок размещения умерших в погребальной камере также неслучаен. При этом мы учитываем, что ориентировка салтовских катакомб согласуется не со сторонами света, а с рельефом местности, где они расположены. Поэтому расположение костяков в камере катакомбы № 72 мы не будем рассматривать относительно их ориентировки по сторонам света. Хотя помещение умерших мальчиков в северном (погр. № 1) и восточном (погр. № 2), а умерших девочек — соответственно, в южном (погр. № 3) и западном (погр. № 4) секторах, возможно, также несет какую-то смысловую нагрузку.

Как нам представляется, не случайным является расположение костяков умерших в виде квадрата. Как показывают исследования, квадрат у многих народов совмещает в себе классификационную систему двоичных противопоставлений, описывающих мир (верх — низ, правый — левый) с образом идеально устойчивой структуры, интегрирующей в себе основные понятия космоса [9, с. 630]. Попытаемся рассмотреть захоронения катакомбы № 72 в этом ключе.

Так, качества расположенных по линии восток-запад детей (погр. № 2 и № 4), вероятно, можно рассматривать в ключе противопоставления «младший-старший» («неполноценный-полноценный»). У большинства народов в жилище противопоставлялись вход (дверь, порог) и почетный (дальний) угол, в котором располагался лишь хозяин дома и где отводилось место для особо почетных гостей. Место у порога жилища рассматривалось у большинства народов мира как своеобразная граница между освоенным и потенциально враждебным человеку внешним миром. С порогом связаны многие погребальные обряды и действия, направленные на защиту жилища от проникновения в него враждебных человеку сил. Именно у порога отводилось место скоту, представителям социально неравноправного населения.

В нашем случае мальчик у дальней стенки камеры (погр. № 2) был наделен всеми атрибутами «старшего» или взрослого мужчины — поясным набором, железным ножом, двумя бронзовыми браслетами. На высокую социальную значимость данного покойника указывает и факт наличия под ним угольной подсыпки — символа домашнего очага. Возможно, не случайно и наличие в данном захоронении четырех, по числу погребенных, астрагалов, два из которых имели отверстия и использовались как своеобразные подвески-обереги. В то же время инвентарь ребенка, погребенного у порога (№ 4), минимален, что можно рассматривать как показатель своеобразной социальной «неполноценности». По инвентарю — три бронзовых литых бубенчика и две бронзовые спиралевидные пронизи — сложно достоверно определить даже пол ребенка. «Неравенство» погребенных, возможно, подтверждается и их ориентировкой головами в противоположные по отношению друг к другу стороны.

Два других захоронения рассмотрим в контексте противоположности «правый — левый». Так, слева от входа в камеру был погребен мальчик, тогда как в правой половине камеры было произведено захоронение девочки. Внутреннее деление жилища помещения у многих народов предполагало наличие женской и мужской половины. Этим, по-видимому, и объясняется расположение костяков № 1 и № 3 в катакомбе № 72. Половые характеристики погребенной № 3 подтверждает специфический погребальный инвентарь, характерный для захоронений девушек и взрослых женщин. Это и наличие двух пар одинаковых литых сережек, и ожерелья из стеклянных и сердоликовых бус, дополненного двумя монетами-подвесками, и двух бронзовых проволочных браслетов. По богатству и номенклатуре инвентаря захоронение девочки № 3 вполне сопоставимо с погребением мальчика № 2, определенного нами как «старшего» или «взрослого». Вероятно, как «старшую» («взрослую») следует рассматривать и девочку из погребения № 3. Такое определение вряд ли подходит к ребенку (погр. № 1), уложенному у противоположной от погребения № 3 стенки, хотя оба этих погребенных ориентированы головами в одну сторону — к входу в камеру. Инвентарь, обнаруженный при данном ребенке, незначителен (пара бронзовых сережек, бронзовые бубенчики



Рис. 3. Монеты из погребения № 3 катакомбы № 72

и спиралевидные пронизи) и соответствует рядовому детскому набору вещей. В целом, если судить по инвентарю, ребенок (погр. № 1) явно находился на более низкой ступени социальной лестницы, чем погребенный с ним в одной камере мальчик (погр. № 2). При нем было три астрагала, тогда как в погребении № 2 («старшего» мальчика) их было четыре. Мальчик (погр. № 1), по-видимому, еще не прошел полностью комплекс обрядов инициации, переводивших его из разряда детей самого младшего возраста (рассматриваемых изначально как бесполок) в ранг детей предпоздносткового возраста.

Показательным в этом плане является состав жертвенной пищи, оставленной в камере, — кружка, кость быка и яйцо. Если кружки являются характерным инвентарем детских захоронений на Верхне-Салтовском могильнике, то мясная жертвенная пища и яйца встречались исключительно в захоронениях взрослых людей [1, с. 35–36]. При этом если кости крупного скота находились в погребениях мужчин, то кости мелкого рогатого скота и яйца — в погребениях женщин и девушек. В нашем случае яичная скорлупа была обнаружена за черепом «старшей» девочки (погр. № 3), за черепом погребенного № 1 стояла кружка, поверх которой располагалась крупная кость молодого бычка, соотносимая с погребением «старшего» мальчика (погр. № 2). Таким образом, размещение жертвенной пищи в камере можно рассматривать, как косвенное подтверждение нашего предположения, о выделении в камере катакомбы № 72, как в своеобразном жилище мертвых, мужской и женской половины.

Таким образом, по нашему мнению, в данном захоронении символически отражена пространственная характеристика освоенного, «культурного» мира аланского населения верхнего Подонцовья второй половины VIII–IX вв.

## ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Социальные структуры алано-ассо-буртасского населения бассейна Среднего Дона. — М., 1993. — 182 с.
2. Бубенок О. Б. Етнічна належність ямних поховань Верхньосалтівського могильника. — Археологія. — 1993. — № 4.
3. Аксенов В. С. Отчет об археологических исследованиях Харьковского исторического музея в 2003 г. — Х., 2003. — 23 с.//Архив ХИМ.
4. Деотик В. Б. Классификация бус Юго-Восточной Европы VI–IX вв.//СА. — 1961. — № 3.
5. Деотик В. Б. Классификация и хронология аланских украшений VI–IX вв.//МИА. — 1963. — № 114.
6. Плетьева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. — М., 1989.
7. Флеров В. С. Погребальные обряды на севере Хазарии (Маяцкий могильник.) — Волгоград, 1993. — 144 с.
8. Голан А. Миф и символ. — М., 1993.
9. Топоров В. Н. Квадрат//Мифы народов мира. — Т. 1. — М., 1997.
10. Флерова В. Е. Граффити Хазарии. — М., 1997.
11. Флерова В. Е. Образы и сюжеты мифологии Хазарии. — М., 2001.

## Summary

V. Aksenov, M. Horujaya. Catacomb № 72 of Verhne-Saltov Grave

This work is dedicated to children burying in catacomb № 72 of Verhne-Saltov grave. Catacomb № 72 stands out other graves because it has not ordinary sizes and location of decedents in burying camera. The children burying forms a square placed in round burying camera. We think that this burying symbolizes the space characteristic of own, «cultural» worldview of alban population of Upper Podontsovje. According to inventory order this catacomb is dated 9 century.

